

механизмах морального сознания. Другими словами, эпистемология морали выявляет и уточняет ряд «латентных» вопросов, которые фактически (зачастую не сознавая этого) имеют в виду и на которые дают те или иные ответы философы разных направлений. Самый общий и принципиальный из «теоретических» вопросов таков: применимы ли непосредственно к моральному знанию типовые категориальные оппозиции традиционной эпистемологии: истина и ложь (заблуждение), знание абсолютное и относительное, спекулятивное и эмпирическое, априорное и апостериорное, рациональное и чувственно-образное, научное и обыденное и пр., или же для характеристики морального знания — с учетом его своеобразия — следует использовать другой понятийный аппарат и иные подходы? Принятие первой из указанных альтернатив ограничивает эпистемологию морали в основном ретроспективной систематизацией, упорядочением известных философско-этических концепций. Вопрос о природе морального знания по сути выпадает из этого контекста. Вторая альтернатива, напротив, ориентирует эпистемологические исследования в этой области прежде всего на выяснение специфических признаков морального познания, а поскольку в этической традиции эта тема почти не представлена², задача ее разработки весьма актуальна для современной эпистемологии морали. Следует, однако, заметить, что несмотря на обилие работ, в которых моральное знание трактуется с применением новой терминологии, заимствованной из символической логики и модных методологических и идейных течений — структурализма, синергетики, постмодернизма и пр., в целом вопрос о природе и специфике морального знания остается до сих пор без сколько-нибудь внятного ответа.

Эпистемологию морали как новую область исследований интересует прежде всего природа морального знания и способы его получения; позиция же философов, высказывающих принципиальное сомнение в том, вправе ли мы вообще относить моральные оценки и нормы к разряду знаний, просто упоминается в работах по эпистемологии морали как частная точ-

---

² Обычно в связи с этим упоминаются аристотелевский «практический силлогизм», кантовский «практический разум» и идея некоторых английских сентименталистов XVIII в. об особом «моральном чувстве» как инструменте «морального познания».

ка зрения, представленная одним из течений аналитической этики — нонкогнитивизмом. Таким образом, современная этическая мысль, включая и ее аналитико-философскую ветвь, ориентирована на традиционно господствующую в гуманитарии когнитивистскую парадигму, трактующую духовную реальность в целом и во всех ее проявлениях (в том числе ценностные формы сознания) как виды знания³. Поэтому можно утверждать, что за обычным, употребляемым без специальной рефлексии выражением «этическое знание» (знание о морали, о добре и зле и пр.) скрывается в действительности целостная система мировоззрения и методологических принципов, определяющих постановку и способ решения многообразных проблем этики.

Приведу небольшую иллюстрацию к сказанному.

В одном из нечастых на нашем телевидении философских диспутов видный отечественный специалист по науковедению высказал простую и не вызвавшую возражений у участников дискуссии мысль о том, что главная задача всей философии сводится, по существу, к поиску ответа на вопрос, непосредственно относящийся к ведению этики: «Что такое справедливость?». Очевидно, за этим пассажем, не претендующем на концептуальную строгость и вместе с тем принимаемым без протеста гуманитарным сознанием, стоят определенные мировоззренческие посылки.

Прежде всего, высказанную мысль можно считать отголоском классической идеи о том, что этика как «практическая философия» венчает собой все человеческое знание о мире, Боге и самом человеке, т.е. является завершением всей системы знания, его прикладной ипостасью и выводом. Но независимо от того, насколько обоснованно это представление об исключительном месте и роли этики и действительно ли оно повлияло на приведенную формулировку «главной задачи» философии, можно констатировать, что этика в контексте приведенного выше утверждения понимается как часть человеческого знания, как философская наука о добре, долге, справедливости, смысле жизни и пр. В самом деле, формулируя указанный вопрос о природе спра-

³ См. об этом: *Максимов Л.В.* Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М., 2003; *он же.* Когнитивный редукционизм в «науках о духе» // Современный когнитивный подход: философия и когнитивные науки / Под ред. В.А.Лекторского. М., 2006.

ведливости, философ-науковец явно исходил из предположения о принципиальной возможности и необходимости выяснить, *познать*, что есть «справедливость сама по себе», т.е. что является «объективно справедливым», — в отличие от того, что именно разные люди (группы, индивиды, ученые) *понимают* под «справедливостью». Другими словами, вопрос о справедливости помещен здесь в старинную эпистемологическую схему «мнение — знание», и если эксплицировать и вербализовать скрытые и свернутые методологические послылки рассматриваемого тезиса о конечной цели философских изысканий, то получится примерно такое рассуждение: никто пока еще *не знает* достоверно, что такое «справедливость», существуют лишь разные, зачастую противоречащие друг другу, *мнения* (точки зрения, концепции, теории) на этот счет; отсутствие точного, доказательного, истинного знания приводит к тому, что люди руководствуются ложными или искаженными представлениями о справедливости, а это является, по меньшей мере, одной из причин социальных неурядиц; поэтому если философия сможет получить искомое знание и довести его до сознания людей, то тем самым будет создана предпосылка для торжества подлинной справедливости; вот почему такую задачу следует считать важнейшей для философии.

Таким образом, господствующая когнитивистская парадигма побуждает гуманитарно-философскую мысль трактовать природу, происхождение, формирование, распространение и механизмы практической реализации ценностных (моральных и других) ориентиров преимущественно в системе эпистемологических, а не каузально-детерминистических — биологических, психологических, социальных — понятий и представлений. Неэффективность некогнитивистской критики указанной парадигмы и ее следствий объясняется в значительной мере тем, что ключевое в контексте данного противостояния парадигм понятие «знание» было и остается весьма многозначным и размытым, причем не только в обыденном сознании и естественном языке, но и в философском лексиконе. Действительно, когда некогнитивисты заявляют, что моральные высказывания не являются «знаниями», они вкладывают в этот последний термин хотя и достаточно распространенное, но вместе с тем весьма узкое, специфическое значение: «когнитивными», т.е. относящимися к сфере знания, при-

знаются те высказывания, которые в принципе поверяемы на истинность — ложность, и, соответственно, те термины, которым соответствует некоторый объект (денотат). Поскольку же в реальном словоупотреблении «знание» имеет гораздо более широкий спектр значений, старания нонкогнитивистов вывести ценностные (главным образом моральные) феномены из-под общей крыши «знания» и тем самым освободить их исследование от чрезмерной методологической опеки со стороны эпистемологии и науковедения остаются малорезультативными. Между тем методология гуманитарных дисциплин, объектом либо составной частью которых являются ценности, нуждается в разработке и уточнении понятия «непознавательное» (или «внепознавательное»), охватывающего ту сторону человеческой духовности, которая органична для ценностей и которая не может быть адекватно описана и объяснена в терминах теории познания.

Для того чтобы ответить на поставленный в начале статьи вопрос, что есть «этическое знание» и каков его состав, необходимо предварительно эксплицировать понятие *знания вообще*, причем сделать это через противопоставление его «внепознавательным» элементам субъективной реальности, с тем чтобы выявить специфику этического знания по отношению не только к другим видам знания, но и к тем частям этики как философской дисциплины, которые не вписываются в ее исключительно когнитивную (познавательную) трактовку.

«Знание»: проблема дефиниции

Слово «знание» долгое время получало свои явно формулируемые определения в основном в неспециализированных толковых словарях, и лишь эпизодически — в философских изданиях справочного характера, и только в последние десятилетия (по-видимому, в связи с бурным развитием когнитивных наук и разработкой соответствующих методологических подходов) оно прочно утвердилось в статусе особого философского термина, нуждающегося в более детальных и точных дефинициях. Правда, некоторые из дефиниций, предлагаемых в отечественных философских энциклопедиях и словарях, вряд ли можно считать достаточно строгими в логическом смысле. Так, в одном из словарей «знание» определяет-

ся через «информацию», тогда как «информация» в том же словаре описывается, в свою очередь, через «знание»⁴. В другом источнике «знание» определяется как «результат процесса познания», «познание» же (в соответствующей статье той же работы) обозначается как «процесс получения знаний»⁵. Следовательно, в этих определениях имеет место так называемый «порочный круг».

Однако большинство представленных в литературе определений свободны от подобных логических ошибок. Вообще, любые дефиниции знания – и это вполне оправданно – фактически отталкиваются от стихийно сложившихся как в естественном языке, так и в специализированных языках философии и науки значений этого слова. Таких значений довольно много, но их можно свести – если пренебречь некоторыми нюансами – к трем основным типам.

(1) В узком смысле слово «знание» обозначает объективно-истинное и обоснованное (причем осознаваемое субъектом в качестве такового) представление о чем-либо; т.е. знание – это «соответствующее реальному положению дел, оправданное фактами и рациональными аргументами убеждение субъекта»⁶. Иначе говоря, к «знанию» здесь причисляются только те моделирующие реальность когнитивные формы, которые характеризуются дополнительно признаками «рефлексии», «понимания», «рациональной обоснованности» и пр. и которые противопоставляются иным – тоже когнитивным – реалиям, не обладающим указанными признаками. В подобных определениях акцентируется особое ментальное состояние, характерное именно для «знания» в отличие от «мнения», «веры», «сомнения», «заблуждения», «воображения», «фантазии», простой «информации» и пр.

⁴ См.: Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 247, 274.

⁵ См.: Философия: Энцикл. словарь / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004. С. 285, 658.

⁶ Обсуждаем статью «Знание» // Эпистемология и философия науки: Научно-теорет. журн. по общ. методологии науки, теории познания и когнитив. наукам. М., 2004. Т. 1. № 1. С. 135. Подобное же, но более детализированное и формализованное определение знания, имеющее хождение в трудах философов-аналитиков, выглядит так: «S знает, что P, если и только если: (i) P истинно; (ii) S убежден в том, что P; (iii) S имеет все основания быть убежденным в том, что P» (*Геттнер Э.* Является ли знание истинное и обоснованное мнение? // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М., 1998. С. 231. О проблемах определения знания и спорах по этому поводу (главным образом, в аналитической философии XX в.) см. также: *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. М., 2002. С. 269 и далее.

(2) Знание, трактуемое в более широком смысле, включает любые идеальные модели, репрезентирующие реальные или воображаемые объекты; т.е. родовым признаком знания выступает здесь именно (и только) наличие «репрезентации» чего-либо в человеческом духе, видами же его (в зависимости от принятого основания классификации) могут быть, например, чувственные образы и абстрактные формулы, эмпирия и теория, наука и метафизика и т.д. Понятое так «знание» в последние десятилетия в философской и психологической литературе (особенно англоязычной) обычно обозначают термином «когнитивное» (англ. *cognition, cognitive*), поскольку этот латинский по происхождению термин хотя и синонимичен в целом «знанию» и «познанию» в родном для разных современных языков словесном облачении (англ. *knowledge*, нем. *Erkenntnis, Wissen* и др.), однако не несет в себе признака «рефлектированной истинности» и потому употребляется достаточно свободно, охватывая более значительный, нежели в первом варианте, круг духовных феноменов, репрезентирующих реальность. Следует, правда, отметить, что фактическое выполнение термином «когнитивное» указанной инструментальной функции в философии и науке не подкреплено специальными дефинициями ни в отечественных, ни в зарубежных словарях и энциклопедиях; тем не менее значение этого термина, как правило, ясно вырисовывается в контексте его употребления в философских и научных трудах.

(3) Наконец, существует еще один подход к определению знания, явно или неявно основанный на витгенштейновском принципе «семейного сходства». Витгенштейн обратил внимание на то, что в естественном языке один и тот же термин может иметь множество разных применений, т.е. обозначать разные реалии, образующие в совокупности некоторую общность, «семью», члены которой взаимосвязаны лишь перекрестным образом: между отдельными индивидами и группами, составляющими эту семью, имеются подобия, сходства, но отсутствует общий для всех них родовой признак. (Например, существуют разные игры, их можно описывать, отмечать сходство между теми или иными из них, однако не существует некоей «субстанции игры» и, следовательно, невозможно дать определения «игры вообще», как таковой)⁷. «Поздний» Витгенштейн,

⁷ См.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 110–114.

в отличие от «раннего», видел в этом обстоятельстве не дефект естественного, обиходного языка, нуждающегося в коррекции, в разведении разных значений термина, в придании термину точного, однозначного смысла, а именно норму языковой коммуникации. Однако о «норме» речь здесь может идти лишь постольку, поскольку принцип «семейного сходства» действительно апеллирует к реальному положению дел в естественном языке и обыденном мышлении; вместе с тем этот принцип, узаконивая терминологическую неопределенность, т.е. закрепление за одним термином разных (часто несовместимых) смыслов, не вписывается в методологию теоретического (философского и научного) исследования, так как приводит к неправомерному (обычно не замечаемому самим теоретиком) смешению разных исследовательских контекстов и понятий.

Определения знания, которые идут в русле указанного подхода, опираются на тот очевидный факт, что единой содержательной «субстанции» для всех разнообразных значений слова «знание» не существует, эти значения пересекаются, образуя некое сообщество «семантических родственников»; поэтому и возникает представление о невозможности определения знания как родового понятия и о необходимости другого подхода к его дефинированию. Как пишет И.Т.Касавин, «не только обыденное суждение, эмпирическое протокольное предложение или научная теория, но и философская проблема, математическая аксиома, нравственная норма, художественный образ, религиозный символ имеют познавательное содержание. Все они характеризуют исторически конкретные формы человеческой деятельности, общения и сознания, связанные с адаптацией, ориентацией и самореализацией во внешнем и внутреннем мире. Поэтому полная дефиниция термина знание может строиться лишь по принципу “семейного сходства” (Л.Витгенштейн), как исчерпывающая типология знания, совмещающая разные принципы выделения типов»⁸. В тексте статьи в качестве видов (или типов) знания, помимо названных, упоминаются также «умение» и «практическое знание» (включающее в себя, в частности,

⁸ Касавин И.Т. Знание // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. II. М., 2001. С. 51. (Курсив мой. — Л.М.).

«нормативные компоненты»). Указать какой-либо сквозной признак, общий для всего перечисленного, вряд ли возможно, поэтому исходная дефиниция цитируемой статьи (а именно: «**Знание** — форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая форма деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания»⁹) носит комплексный характер, т.е. содержит по существу несколько разных признаков, каждый из которых относится лишь к некоторым видам духовных реалий, причисляемых к знанию, благодаря чему это аддитивное определение и находится в согласии с принципом «семейного сходства». Этому согласию способствует также и весьма общий характер приведенных дефинитивных формулировок, допускающих возможность их неоднозначной интерпретации и тем самым расширяющих круг феноменов, могущих претендовать на принадлежность к семейству знаний.

Мне представляется, что применение принципа семейного сходства в данном контексте приводит (или может привести) к утрате критериев, позволяющих специфицировать знание относительно других духовных феноменов, ибо по сути каждый из них в принципе может быть представлен как вид «знания», понятого в том или ином из множества предлагаемых смыслов; в этом гипотетическом случае «знание» окажется полным синонимом «духа», сознания, ментального, психики, так что сам этот термин станет излишним или, по меньшей мере, взаимозаменяемым с перечисленными терминами. И если вообще предпочтительность одной дефиниции перед другой диктуется большей «инструментальной» эффективностью дефинированного соответствующим образом термина, позволяющего адекватно отобразить, понятийно вычленив специфические элементы некоторой предметной области, то из трех рассмотренных выше подходов к определению знания **наиболее предпочтительным, на мой взгляд, является второй, трактующий знание (когницию) как любую форму идеальной репрезентации объекта**, — при условии, что исследуемую предметную область составляет все многообразие «духовных» (психических, ментальных и пр.) явлений, а задачей исследования является отграничение знания от других — внепознавательных, некогнитивных — компо-

---

⁹ *Касавин И.Т.* Знание // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. II. М., 2001. С. 51. (Курсив мой. — Л.М.).

нентов духа. (Разумеется, если предметной областью исследования выступает только сама сфера когнитивного, то здесь уже уместно будет использовать понятие знания в «узком» — первом из названных выше — значении, т.е. как обоснованного истинного убеждения, отличая его от «мнения», «фантазии» и других когнитивных феноменов). Знание-репрезентация в одних речевых контекстах противопоставляется *незнанию* (отсутствию информации), в других — *не-знанию* (т.е. некогнитивным, нерепрезентативным явлениям духа, — например, переживаниям, устремлениям и др.).

Парадигмой знания, интерпретированного в «репрезентативном» смысле, является наука. Эту мысль высказал, в частности, Э.Агацци, подчеркнув, что понятие науки сейчас связывается не с определенным содержанием и не с определенными дисциплинами (математикой и естествознанием, как это было раньше), а с особым способом анализа своего содержания, т.е. с методом. Научный метод характеризуется двумя фундаментальными качествами: строгостью и объективностью¹⁰. Если последовательно придерживаться указанной интерпретации термина «знание», то *виды* знания, альтернативные научному, имеет смысл выделять только по одному критерию, именно — по степени их «недоотягивания» до научного образца; т.е. все виды знания (в указанной их трактовке) находятся на одной и той же иерархической лестнице, верхнюю ступень которой занимает продукция науки как специализированной познавательной деятельности, осуществляемой в соответствии с выработанными научным сообществом (и постоянно совершенствующимися) канонами. К ненаучному или «не вполне научному» знанию — но именно «знанию», представляющему собою некоторую идеальную модель реальности — можно отнести, например, умозрительное, или обыденное, или вообще любое недостаточно строгое и доказательное знание. **Что же касается моральных норм, художественных образов, религиозных символов и пр., то их нельзя считать особыми видами знания; они альтернативны не только научному, но и любому знанию, поскольку не являются когнитивными феноменами или, во всяком случае, содержат в себе существенный некогнитивный элемент — императивно-ценностную, прескриптивную интенцию.**

¹⁰ См.: Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М., 1998. С. 10 и далее.

Обрисованному здесь подходу с давних пор и по настоящее время противостоят следующие позиции: (1) наука не является парадигмой репрезентативного знания; например, спекулятивные, мистические или паранаучные и прочие (замысленные в качестве репрезентирующих некую реальность) построения могут рассматриваться как вполне самостоятельные, не ориентированные на науку как познавательный «идеал», противостоящие науке (иногда добавляют: «официальной науке») или даже «сверхнаучные» формы знания; (2) «знание» не обязательно репрезентативно: существует знание практическое, рецептурное, технологическое («ноу-хау») и т.п., отвечающее на вопрос *как надо* или *как должно* делать что-либо; такое знание тоже может быть обыденным (или «опытным») и научным, — но уже находящимся в ведении не «теоретической», а «практической» или «прикладной» науки; (3) нормативно-ценностные концепции и учения (моральные, правовые, религиозные и пр.) относятся к классу репрезентативного знания и в этом качестве могут быть и «обыденными», и «спекулятивными», и «научными».

Все эти три позиции — по отдельности или в различных сочетаниях, эксплицитно или имплицитно — представлены в теории познания, логике и методологии науки, науковедении вообще, а также в различных разделах гуманитарной мысли, включая этику. В задачу настоящей статьи не входит специальный критический анализ указанных методологических установок: это увело бы слишком далеко в сторону от избранной темы. Эпизодическая полемика с этими установками будет увязана исключительно с выяснением когнитивного статуса этики.

Далее под «этическим знанием» я буду иметь в виду не все содержимое этики (как это было бы в случае широкой трактовки знания в соответствии с принципом «семейного сходства»), а только когнитивно-репрезентативное ее измерение. Такой подход позволит установить роль и место знания в структуре этики как многосоставного духовного образования.

Когнитивные структуры этики

Этика в ее исторически сложившейся целостности не принадлежит к сфере знания (в указанном выше когнитивно-репрезентативном смысле), т.е. ее нельзя считать «отраслью знания», а